

Когда у вас есть дочь, вы не можете не волноваться. Вы беспокоитесь о том, что ее будут окликать на улицах. Вы также беспокоитесь, что она не будет достаточно привлекательной для этого. Если Му Санг будет жить вместе с ними, это будет очень надежно, но это также было слишком большой просьбой.

Благодаря Му Санг ее пять дочерей могли учиться, не беспокоясь о деньгах. Она не могла просить и о жилье. Ха Дон Дэк колебалась между любовью к дочерям и чувством чести.

"Что же мне делать?"

Ха Дон Дэк посмотрела на Чжин Сун. Ее старшая дочь была уже взрослой. Она была взрослой уже довольно давно. Она всегда была умна, с самого детства, а после колледжа стала, пожалуй, в сто раз умнее и сообразительнее собственной матери. Ха Дон Дэк полагалась на старшую дочь в решении всех вопросов.

"Оставь все как есть. Му Санг обо всем позаботится. Если он будет жить с тобой, тебе не придется ни о чем беспокоиться".

Чжин Сун была невозмутима. Она вообще не видела никаких проблем.

"Эй, есть такая вещь, как лицо. Это даже не один или два человека. Как я могу позволить ему заботиться обо всех вас пятерых? С тех пор как умер твой отец, Му Санг очень нам помогал. Я кормила его только холодным рисом. Это слишком большая услуга для него".

Ха Дон Дэк вспомнила прошлые дни, когда она полагалась на Му Сана. Вдруг она почувствовала прилив эмоций. Ха Дон Дэк подняла фартук и высморкалась.

"Мы можем поступить так, как сказал Му Сан. Ён Сун 23 года, а Ке Сун 21 год. Мал Сун - 19. Они прекрасно справляются с работой по дому. Для обслуживания этого огромного дома нам все равно нужны люди".

"Да, мои дочери умелые хозяйки. Но все равно, как-то не по себе, когда получаешь, а не отдаешь".

Ха Дон Дэк избавилась от чувства вины. Она оправдывалась, говоря, что уже поздно отчитывать дочерей.

"Тетя, делай, что тебе говорят. Вы уже одна большая семья. Семья не оперирует такими объективными понятиями.

Жизнь - это переплетение отношений. Это хорошо и для Му Ссанга. Положитесь на свет Бесконечного!". воскликнул монах Дэ У.

"Да, я последую твоим словам, монах. Я попрошу своих дочерей сразу же переехать к нам".

бессознательно ответил Ха Дон Дэк. Благодаря словам монаха, ее беспокойство сразу же исчезло.

"Тебе тоже стоит переехать и позаботиться о питании Му Ссана. Разве тебе не надоел Джип Ын Дари?".

Ха Дон Дэк покачала головой.

"У тебя лучше получается ухаживать за Му Санг, чем у меня. Я всю жизнь была крестьянкой.

Такой роскошный дом меня пугает. Я буду ждать мать Му Ссана в Джип Ын Дари. Если тебе хорошо, то и мне хорошо".

Слова Ха Дон Дэка были полны эмоций. Чжин Сун, пошевелившись, взял ее за руку. Черная грязь под ногтями, шишковатые суставы, темная кожа, прилипшая к костям, между которыми почти не было плоти. Ее руки выражали скорбь вдовы лучше всяких слов.

Это были руки суперженщины, воспитавшей пять дочерей. Это были самые красивые руки в мире. Это были скромные руки, верные руки и добрые руки.

Мама, Му Ссанг и твои дочери тоже знают горе. Тот, кто знает горе, знает и то, что счастье близко. Не волнуйтесь. Я счастлива жить".

Слезы Чжин Сун падали на шишковатые руки Ха Дон Дэка.

Му Санг был не из тех, кто медлит. Мебель для студентов была необходима. Он вызвал грузовик и перевез вещи Чжин Сун, Ён Сун и Ке Сун в Юнсимчже. Таким образом, Ынсим-чже принял своих первых жильцов.

В главном доме, не считая покоев Му Ссана, было шесть отдельных комнат. Не считая гостиной, Чжин Сун, Ён Сун и Гё Сун выбрали себе по комнате и поселились в них. Мал Сун и У Сун, которые также выбрали себе по комнате, сказали, что хотят поменять школу и сразу же переехать. Девочки-подростки, уже очарованные роскошным поместьем, не считали домом свой сельский дом, пропахший экскрементами коров и кур.

"Черт. Ли Сан Хан влип".

Сан Хан ворчал, прикрепляя опору к своей хромой левой ноге. Поскольку он был единственным сыном в трех поколениях, его определили на гражданскую службу, но он поступил на службу в качестве кадрового военного, считая, что это то, что должен делать мужчина. На самом деле он также спасался от запаха куриного дерьма.

Он был назначен в полк разведчиков и служил в демилитаризованной зоне. Он служил в так называемой полиции ДМЗ. Южнокорейская полиция ДМЗ иногда нарушала границу, но северокорейская полиция ДМЗ делала это регулярно. Часто они просто ругались друг с другом на расстоянии, но иногда случались перестрелки. Каждый день он проводил в тревоге, от которой кровь стыла в жилах.

"Черт. Небо такое же, как и раньше. Коварные ублюдки. Лейтенант Ким, капитан Пак и подполковник Ли, я перережу вам лодыжки, даже если окажусь в аду".

Санг Хан поклялся. В тот день, когда он отступил из-за нехватки огневых средств, погода была такой же палящей, как и сегодня. Пот струился по телу, даже когда человек стоял на месте. Выстрелы, грохот и крики все еще вызывали у него галлюцинации. Один из его коллег наступил на мину, после чего он потерял сознание.

Когда он пришел в себя в больнице, все его тело было обмотано бинтами. Он прошел через три операции по удалению осколков разного размера. Однако он не смог сохранить лодыжку, где половина сухожилий и мышц была разрушена.

Врач предложил ампутацию и протез, но он не мог с этим согласиться. Вместо того чтобы потерять конечность, он предпочел терпеть боль и неудобства. Он винил небо за невероятную

реальность, но ничего нельзя было поделать.

Абсурдная реальность на этом не закончилась. Его обвинили в мятеже и неповиновении. Его подчиненные погибли при взрыве или были застрелены. Как бы он ни защищался, начальство не отступало. Ему пришлось отправиться домой с мизерной компенсацией.

"Я тебе завидую. У тебя есть друг".

пошутила его жена, протягивая ему пакет с покупками. Ее звали Го Мин Чжи.

Они учились в одной средней школе. Теперь она была женой калеки Ли Сан Хана. Они спешно поженились, потому что он был единственным сыном в трех поколениях. На самом деле живот Мин Чжи был выпуклым из-за несчастного случая, произошедшего в день встречи выпускников, поэтому свадьбу пришлось сыграть раньше.

Сан Хан был ошеломлен. Он сбежал в армию через шесть месяцев после свадьбы. Вернулся калекой. То, что Мин-Чжи все еще была рядом с ним, было просто чудом.

"Мне очень жаль. У тебя, наверное, нет свободных денег".

Сан Хан смущенно посмотрел на Мин Чжи. Они едва могли позволить себе молочную смесь для своего ребенка. Они с содроганием думали о том, чтобы купить даже жалкие часы с кукушкой.

"Все в порядке. Я вчера продал грузовик яиц. Твоя мама, наверное, ждет. Иди."

Го Мин Чжи подал ему костыль. Сан Хан был немногословным человеком, но с большим сердцем. Иногда она упрекала его, но он все равно оставался ее мужем, независимо от того, хорошо у него идут дела или плохо. Она была рада, что у него есть друг, который позвал его на такой случай. Го Мин Чжи был еще одним Чжин Суном.

"Я не разрешал девушкам переезжать к нам в качестве служанок!"

Му Ссан покачал головой.

"Это ненужные расходы. Я и трое старших, мы четверо, можем обслужить сотню гостей и больше", - настаивала Ха Дон Дэк.

Она не понимала, зачем нанимать обслуживающий персонал, если гостей меньше ста человек.

"Я знаю. Если ты повредишь спину, расходы на лечение будут больше. Мы также создаем рабочие места для обслуживающего персонала".

"Вы уже много потратили на строительство этого дома. Мы сэкономим даже копейку".

Настойчивость Ха Дон Дэка, как всегда, закончилась замечанием Чжин Сун.

"Мама, сделай так, как сказал Му Ссан".

"Я вижу, девочка. У тебя рот как у Му Ссана?"

Ха Дон Дэк наняла пять подруг из Джип Ын Дари, которые все были отличными домохозяйками. Она обещала в три раза больше обычной дневной зарплаты и дополнительные транспортные надбавки. Пять женщин из Джип Ын Дари пришли сразу же, оставив работу на полях.

Когда Му Ссанг вышел из ворот, его глаза расширились.

Женщина средних лет и мужчина на костыле - это были Ли Сан Хан и его мать.

"Сан Хан!"

Женщина средних лет, ошеломленная архитектурой, подпрыгнула от удивления.

"Му Санг!"

Мать Санг Хана крепко обняла его.

"Госпожа, все ли в порядке? Как поживает господин?"

"Я всегда в порядке. Отец Санг Хана занят делами на ферме после того, как половина цыплят погибла".

"Ой. Должно быть, это большая потеря".

"Ничего страшного. Когда у человека есть птицеферма, он проходит через такое хотя бы раз".

"Мама, дай мне тоже посмотреть на него".

Сан Хан мягко оттолкнул мать.

"А?"

Му Санг осмотрел костыль и ногу Санг Хана. Он решил, что это следствие очередной пьяной драки. Но это была не такая простая травма.

"Му Ссанг, твой друг, всегда так непослушен своей собственной матери..."

"Мама, хватит. Это действительно пустяк", - настаивал Санг Хан.

"Ты был жив!"

Санг Хан, довольно крепкий, плакал в груди Му Ссанга. Прошло семь лет с тех пор, как его лучший друг уничтожил Кан Чун Шика и банду Ккалчи, после чего исчез.

"Прости меня. У меня были свои причины".

Му Санг тоже испытывал эмоции. Когда он убирал куриное дерьмо на птицеферме семьи Сан Хан, Хе Ён и ее подруга Чхве Мин Сон пришли в виноградный сад, чтобы пообщаться. События, произошедшие тогда, пронеслись перед его мысленным взором, словно кадры старой киноплёнки. Двое мужчин, каждый из которых прошел свой насыщенный событиями путь, обнялись и тепло поделились друг с другом, не сказав ни слова.

"Давайте войдем первыми".

"Это твое место?"

"Да".

"Правда?"

"Ты когда-нибудь видел, как я лгу?"

Му Ссанг усмехнулся.

"Да. Ты никогда не лжешь".

Глаза Санг Хана расширились, когда он вошел в передние ворота.

"Вау! Это сводит меня с ума".

"Ты сводишь меня с ума. Что у тебя с ногой?"

"Черт. Это длинная история. Твоя история, наверное, еще длиннее".

Старик Али, заметив Му Ссанга, быстрым шагом подошел к ним. Глаза Санг Хана расширились. Старик-араб в костюме был для него весьма необычным зрелищем.

"Али, это сегодняшняя VIP-персона. Ухаживай за ним как следует".

"Да, я сделаю все возможное.

Не могли бы вы быть господином Ли?"

Санг-Хану пришлось подавить смех над небрежным корейским произношением старика-араба.

"Да, я Ли Санг Хан".

"Добро пожаловать. Госпожа Чжин Сун приказала мне проводить вас в кабинет Вакиля".

Али поклонился.

"Мама, пойдем".

"Я все еще ошеломлена".

Мать Санг Хана покачала головой. Чтобы у Му Ссанга был дом больше, чем у аристократов Чосона... Это было довольно сверхъестественно.

"Кто этот иностранный старик?"

"Он мой дворецкий".

"Дворецкий!"

Глаза Санг Хана проследили за спиной Али. Для обслуживания этого огромного поместья должен быть дворецкий. Это было несомненно. У него было много дел, которые нужно было успеть сделать с Му Ссаном. К сожалению, Му Санг не мог уделить ему времени.

"Вакиль, советник Гамильтон из британского посольства".

"Вакиль, мистер Дэвис из Калифорнии".

"Вакиль, господин Чжан Син из Сингапура".

Старик Али деловито докладывал.

"Санг-Хан, отдохни немного. С твоей ногой можно что-нибудь сделать. Не волнуйся слишком сильно".

С этими словами Му Санг вышел поприветствовать гостей.

"Ха. У него много иностранных друзей".

У Санг Хана в голове крутились сотни вопросов, но у него не было выбора, кроме как застрять в кабинете.

"Сан Хан, что происходит?"

"Мама, ты говоришь слишком мрачно. Это хорошая вещь, которая должна произойти".

Сан Хан тоже был в замешательстве. Это был не кабинет, а совершенно другой мир. Балки, столбы и стропила были сделаны из сосны высшего сорта. Оконная рама была сделана из китайского дерева-парасоля. Лёссовая стена была покрыта традиционной корейской бумагой.

Стена шириной 10 метров была заставлена книжными полками. Остальные три были открыты наружу с окнами и дверями, поднятыми до потолка. Ему казалось, что он сидит в большом павильоне посреди леса.

"Что Му Ссан сказал о твоей ноге?"

Глаза матери Санг Хана сверкнули.

"Он просто беспокоился о своем друге".

С этими словами Санг Хан лег и положил голову на деревянную подушку.

"Должно быть, он заработал много денег. Приятно видеть, как такой несчастный мальчик добился успеха".

Старинная деревянная подушка имела характерный запах.

Сан Хан и не подозревал, что деревянную подушку под его головой использовал сам король Седжонг.

Широкий кабинет был наполнен ароматом сосны и затхлым запахом книг. Санг-хан умел пользоваться только своими мускулами, но все же кое-что узнал. Он узнал некоторые культурные артефакты на уровне национального сокровища, такие как старинная складная ширма, подушки, чайный столик и коврик на полу. Он был потрясен.

"Вакиль, леди Эдель и команда Аклана здесь".

Не успел старик Али закончить свое предложение, как подъехала целая вереница машин. Французское правительство по-прежнему хорошо относилось к своему национальному сокровищу. Как только зафрахтованный самолет прибыл в аэропорт, ожидающие машины из французского посольства в Корею забрали гостей и помчались по скоростному шоссе Кёнбу.

Из машин высыпали такие мудрые люди из Новатопии, как Орифис, Самди и генералы, Эдель, Динофелис, Иджихана и повара, а также различный обслуживающий персонал.

"Вау!"

раздались восклицания. Показалась светловолосая богиня, одетая в горячие штаны и майку. Разные взгляды устремились на богиню, идущую по лужайке к ним.

Эдель, благодаря "милости" Му Ссанга, повысила свою красоту еще на один уровень. Ее кожа сияла, как будто была припудрена золотом. Ее изгибы стали более четкими. Ее светлые волосы приобрели лучшую текстуру и сияли в лучах полуденного солнца, падающего на землю. Ее походка, натренированная Баселем, была плавной, словно танцевальной.

"Это западная девятихвостая лиса?".

Ха Дон Дэк разинул рот в благоговейном ужасе...

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2166101>